

Сынок / рассказы

Category: Heкаýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Сынок / рассказы СЫНОК

Старушка была тихая, улыбчивая, и звалась приятно – Любовь Александровна Голубева. Даже представить было трудно, что она – шизофреничка с большим стажем и с четырьмя госпитализациями. Антошина руководительница, говорливая и одышливая Наталья Иосифовна по кличке Утка, вчера весь день ему внушала, что бабушка здравомыслящая, дружелюбная, ребята ее уже несколько лет опекают, и для опытного шизофреника это очень мало – четыре госпитализации. Утка еще советовала ему расспросить старушку Голубеву обо всяких интересных случаях из жизни и записать. Как будто Антоша именно для того и носит с собой «историческую тетрадку», чтобы записывать туда истории про дурдом.

Пятнадцатилетний Антоша, сам себя, конечно, давно называвший Антоном и даже иногда Антонио, второе лето подрабатывал в молодежной организации, которая вполне по-тимуrowsки помогала одиноким пенсионерам. Все сошлось как нельзя лучше: Антоша, воспитанный бабушкой и прабабушкой, трепетно уважал старость (в тайной надежде на конфетку), подопечным, преимущественно приветливым старушкам, нравился вежливый мальчик, и вдобавок Антоша получал какую-никакую зарплату.

Утка велела каждому завести специальную тетрадку, чтобы записывать туда рассказы подопечных про «героические военные годы». А рассказы были сплошь обыденные, жуткие, про мокрый мыльный хлеб, принудительное копанье траншей и даже про съеденных собак. Поэтому Антоша, если что и записывал, то не про войну, а про нормальную жизнь.

Старушка Голубева, увидев опасливо переминающегося на пороге Антошу, обрадовалась:

– Ой, мальчик! А раньше одних девчонок присылали.

Глаза у нее были голубые, светящиеся старческой ледяной

прозрачностью, а личико детское, точно взяли курносую симпатичную школьницу и наложили ей сложный грим с морщинами, мешочками и пигментными пятнами.

Антоша, немного смущенный, как всегда при первом знакомстве, снял ботинки, принялся, покраснел: пахнут носки все-таки, – и торопливо сунул одну ногу в лежавший у двери, на виду, мужской тапочек. Поискал глазами второй, но его не было.

– Это куда это он подевался? – удивилась старушка и легко опустилась на пол. – Всегда же тут стоят, на всякий случай. Или запрятал кто? – она лукаво посмотрела на Антошу снизу вверх и улыбнулась.

Тут Антоша запоздало сообразил, что он стоит и ждет, как королевич какой-нибудь, пока ползающая на четвереньках древняя бабушка отыщет ему тапок.

– Ой, вы что, вставайте, вставайте пожалуйста! – Антоша поспешно приник к паркету сам и тут же углядел второй коричневый шлепанец под шкафчиком для обуви.

– Ишь, – одобрила Любовь Александровна. – Глазки острые, не спрячешься.

Старушка не дала Антоше даже руки помыть, сразу потащила смотреть ее апартаменты. Большинство Антошиных подопечных были именно такими: никаких особых поручений к молодым помощникам у них не было, они хотели просто рассказать, показать, выплеснуть накопленную жизненную информацию.

Квартира у старушки Голубевой была обыкновенная, двухкомнатная. Потолки, правда, очень высокие, Антоше такие нравились. Бабушкина комната была обставлена бедно, все старое, ткань выцвела, лак слез, бесчисленные кружевные салфеточки посерели. Но чисто было очень, Любовь Александровна целыми днями, наверное, только и делала, что сидела дома и наводила порядок. Даже толстенькие листья глоксиний и фиалок блестели.

– Нравится? – нетерпеливо спрашивала она у Антоши. – А это? А здесь смотри как у меня, потайной ящичек, тут мама моя когда-то фотографии хранила и письма всякие. А это я в молодости, однокурсник меня рисовал, он на художника хотел, а родители

ему – в строительный и точка. А вот смотри – статуэтки фарфоровые, таких давно уже нету. А стул дубовый, позапрошлого века, видишь, ножки какие гнутые, это специально так делали. А потолки у меня три двадцать.

– Замечательная квартира у вас, Любовь Александровна, – вежливо соглашался Антоша.

– Вот, – широко развела руками старушка Голубева. – Видишь, как хорошо мне... А все сынок, все сынок, все его благодарю, каждый день. Если б не он – ничего бы у меня не было.

Хорош сынок, бросил мать одну, подумал Антоша.

Бабушка отправилась заваривать чай, а Антоша пошел наконец мыть руки. Утка всем внушала: пришел – сразу мой руки, даже если потом пылесосить собираешься, пусть старички знают, какие у них помощники чистоплотные.

Кран был весь в белесом известковом налете, а глубокая, как канава, ванна – в желтых пятнах. «Надо предложить почистить», – подумал Антоша и взял склизкое мыло. Кран сначала загудел и задергался, а потом вдруг выплюнул на Антошины руки порцию очень горячей воды, чуть ли не кипятка. Или это от неожиданности так показалось. Антоша вскрикнул и отчаянно завертел ручку с синим колпачком. Холод быстро снял неприятные ощущения, но пальцы все равно были малиновые.

– Ты чего? – окликнула его из кухни старушка.

– Воду горячую пустил случайно, чуть не обварился.

– Да она уж месяц как еле теплая.

– Ну это кому как! – отшутился Антоша.

Когда чай уже был разлит по фарфоровым чашкам с какой-то особой перламутровой глазурью и будто обгрызенными краями, выяснилось, что сладкого ничего нет, и даже любимые бабушкины баранки закончились.

– Ничего, сейчас так попьем, а потом в магазин сходишь, – решила старушка Голубева.

Антоша закивал, аккуратно взял чашку и поморщился – прикоснуться к горячему было неприятно.

Сначала он сел возле древнего, тоже покрытого пятнами

холодильника. Ледяной железный ящик тут же взревел у него над ухом, и Антоша вздрогнул от неожиданности.

– Ты пересядь, пересядь, – Любовь Александровна взяла его за локоть и мягко потянула вверх, чтобы Антоша поднялся со стула.

– Простудишься, и шумит он.

– Старый какой, – уважительно сказал Антоша. Он любил советские вещи, монументальные и неуклюжие, имеющие только одно четко прописанное предназначение, безо всяких дополнительных опций.

– А новые лучше? – прищурилась бабушка. – Пластмасса одна. И еще неизвестно, чем их там брызгают, и под резиночки закатывают всякое. Так и отравиться можно.

– Я и говорю – хорошо раньше делали, в старину, – закивал Антоша, так и не понявший, что именно закатывают под резиночки.

– В старину-у... – рассмеялась старушка Голубева.

Холодильник затих, а потом в нем что-то зашуршало. Наверное, кусок намерзшей «шубы» отвалился.

Чай «с таким» пили дольше, чем планировалось. Любовь Александровна расспрашивала Антошу про маму и папу, про учебу, про любимые книжки и фильмы. Антоша все рассказывал как есть, только про друзей немного приврал – изобразил себя душой компании, хотя на самом деле его, тощего и мелкоголового, сверстники и за человека не считали. И про семью все в подробностях изложил, и как переехали семь лет назад из центра на окраину, а там кругом алкоголики и приезжие. И собаку, золотистую Шушу, не забыл.

– Ой, а я их как люблю – и собачек, и кошечек, – вздохнула бабушка. – Особенно которые с улицы – самые преданные. Так и смотрят по-человечьи... У мамы до войны котик был – рыжий, пушистый, лапу давать умел. Все смотреть ходили – кот лапу дает. А в войну самим-то есть нечего было, куда уж кота кормить. Оголодал... Мама с бабушкой как-то конины добыли, для меня и братика. Так котик мясо нашел, достал из-под крышки и съел почти все. И убежал от нас, больше не видели его. Знал, что мама его за такое прибьет. А может, и прибила, а нам

сказала, что убежал...

– А вы заведите кого-нибудь, – посоветовал Антоша.

– Да я пробовала, – махнула рукой Любовь Александровна. – И кошечек приводила, и собачек. У сына с ними не заладилось... Последний раз щеночка принесла, беленького, так у них драка настоящая случилась. Шерсть, лай, визг – ужас! Соседке щеночка отдать пришлось, Евдокии Дмитриевне, через этаж. Он вырос уже, болоночка такая. Ну я и решила: раз не любит он животных, так я больше и не буду, матери детишкам уступать должны. С тех пор никого не приводила, раз он не хочет, так и не буду.

Озадаченный Антоша кивал и ласково улыбался, как Утка учила. Путалась что-то бабушка...

Старушка написала ему список, что в магазине купить, выдала деньги и запасной комплект ключей:

– А то засну еще, или не услышу.

– Я вам еще ванну помою, – пообещал Антоша.

– Да хоть до вечера сиди, – обрадовалась бабушка. – Маму только предупреди, за детишек все переживают.

В прихожей Антоша обнаружил только один свой ботинок – история с тапочками, похоже, повторилась.

– Да что за наказание? – развела руками старушка Голубева.

«Играет она со мной так, что ли?» – Антоша насупился и снова полез под шкафчик. Второй ботинок, разумеется, оказался там – только он был значительно крупнее шлепанца, и в узкую щель его затолкнули с силой, даже носок ободрался.

Антоша стал обуваться, всем своим видом показывая: он огорчен и такие игры ему не нравятся. Он уже давно заметил, что старики часто ведут себя как дети, но приколы с ботинком были действительно странными.

– А мы губочкой протрем, – примирительно сказала бабушка. – И царапинку не видно станет.

Магазин напоминал старушкину квартиру – тоже бедный, почти нищенский, набитый старыми вещами: черствым хлебом, подгнившими овощами, вспученными йогуртами, разбитыми ящиками для товаров и внимательными пенсионерками, которые во всем

этом копались. Антоша купил хлеба, печенья, кефира, выбрал два почти целых апельсина и на собственные деньги добавил глазированных сырков и пирожных «картошка». Отстоял в длинной очереди, взмок и вдобавок был напуган на выходе неожиданно запищавшей рамкой.

Вернувшись к подъезду, Антоша пошарил в карманах и обмер – бабушкиных ключей не было. Он поставил пакет на крыльцо, искал еще раз – и во внешних, и во внутренних, и в пакет тоже на всякий случай заглянул. Ключи пропали.

С ужасом представляя себе, как расстроится старушка Голубева, а потом, наверное, начнет ругаться, Антоша еще раз сбегал в магазин, повторил свой маршрут, внимательно глядя на пол – ключей не было. Уборщица невнятно сообщила, что тут ничего никто не ронял.

Собравшись и смирившись, Антоша набрал номер бабушкиной квартиры на панели домофона. Ну ладно, скажет он все как есть, если она замок поменять захочет – он заплатит, там отложено на новый телефон немного...

Домофон щелкнул, как будто сняли трубку. Антоша сделал вдох и даже успел издать короткое «ым...», но вместо голоса старушки Голубевой из домофона послышалось шипение. Как будто туда засунули змею или кошку. Шипение усиливалось, и Антоше стало неприятно – было в этих неживых вроде бы звуках что-то угрожающее. Он нажал «сброс» и еще раз набрал нужный номер.

«У-у-у-а-а...» – тоненько провыл домофон и опять зашипел.

За Антошиной спиной звякнули ключи, и женский голос равнодушно сказал:

– Хватит баловаться.

От неожиданности Антоша отпрыгнул в сторону, а потом, глядя, как тетка в полосатой кофте открывает дверь ключом, честно сообщил:

– Я не балуюсь, это домофон сломался. Шипит.

– Ну да, – сказала тетка и перегородила дверной проем рукой. – Ты к кому это?

– К Любви Александровне. Голубевой. На шестой этаж.

– Ну да, – тетка поджала губы, и ее черные усики встали

торчком, как у моржа. Но в подъезд Антошу все-таки пустила.

Антоша позвонил в дверь, бабушка открыла почти сразу же.

– Любовь Александровна, я ключи потерял, – он протянул бабушке пакет. – Но вы не волнуйтесь, если хотите – поменяйте замок, я возьму, – это важное, благородное слово очень понравилось Антоше. – Я все возьму...

– Зачем же менять? – удивилась старушка. – Ключи ведь – вот они.

Связка ключей, которую она выдала Антоше и которую он аккуратно спрятал в карман (еще позвякивало при ходьбе) действительно лежала в вазочке у телефона.

Антоша облегченно вздохнул:

– Выронил, наверное.

Бабушка закивала, улыбаясь:

– Наверное, наверное. Я-то думаю – и чего ты их не взял?

– А еще у вас домофон сломался. Я звонил – а он шипит.

– Звонил, да? А я не слышала ничего...

– Я уж думал – что делать, как заходить, – посмеивался над собой Антоша. – Хорошо, тетенька какая-то пришла.

– Да ты бы по телефону позвонил, – и Любовь Александровна зашуршала пакетом. – Ой, апельсинчики, пирожные...

Антоша и сам удивился – как же он мог забыть про мобильник. Хлопнул ладонью по карману, в котором лежал телефон. Мобильника не было.

– Да как же это... – Антоша, продолжая лихорадочно обыскивать карманы, машинально сунул ноги в тапочки. Правой стопой нащупал что-то твердое.

Это был мобильник.

«Бабка шалит», – решил Антоша и сунул его в нагрудный карман.

Он собрался идти на кухню, где бабушка, довольно мурлыча, уже накрывала на стол, но тут заметил, что дверь второй комнаты, которую старушка Голубева ему не показывала, приоткрыта. Антоша увидел часть стены, а на ней – какие-то картинки. Ему даже показалось, что это комиксы.

Уверая самого себя, что он просто хочет посмотреть, не

требуется ли там уборка, Антоша толкнул дверь и заглянул в комнату.

Вся обстановка состояла из старого, продавленного кресла. На подоконнике топорщилось алоэ. А одна из стен, слева от окна, была почти до потолка заклеена фотографиями. И цветные, и черно-белые, и глянцевые, и матовые, и из семейных альбомов, с надломами и разлохмаченными краями, и вырезанные из газет, грязно-серые, смазанные и в точечках, и даже взятые, видимо, из каких-то документов... Все это были портреты детей в возрасте примерно от года до десяти – темненьких, светленьких, рыженьких, улыбающихся, серьезных, плачущих. Антоша даже успел найти одного негритенка и нескольких азиатов в крохотных выглаженных рубашечках.

– Ну как, хорошенький? – неслышно войдя в комнату, спросила старушка Голубева.

– Кто?

– Сынок мой. Тут вот ему три годика, – она погладила портрет маленького толстячка с диатезными щеками. – А вот подрост уже... Вся радость от него. Детишки – это в жизни единственное счастье, кроме них ничего и нету. Каждый день его благодарю...

И старушка благоговейно поцеловала фотографию другого мальчика, совсем древнюю. Этот вполне мог оказаться отцом толстячка, если не дедом. Антоша смотрел на Любовь Александровну, открыв рот, а она гладила многочисленные лица своего сына и стряхивала пылинки с фотографий. Все это было глупо и как-то жутко, хотелось отвернуться, выбежать из комнаты, но в то же время зрелище чужого безумия завораживало.

– Ну что, ванну помоешь или сразу чай с пирожными? – неожиданно и бодро обратилась к Антоше старушка. – Давай-ка тебя делом займем, пока ты еще куда-нибудь без спросу не полез.

Антоша возил по стенкам ванны губку с едко пахнущим порошком и думал о том, какая же эта старушка Голубева несчастная. Несправедлива все-таки жизнь – вот он, Антоша, хороший и умный, и пенсионерам помогает, и будет, когда вырастет, компьютерщиком с большой зарплатой, а одноклассники его

считают хилым дурачком, и смеются, и во дворе иногда бьют. И старушка Голубева тоже хорошая, а такая одинокая, что даже с ума сошла. Никому до нее нет дела, вот она себе сына и выдумала, и если бы не Антоша и девчонки, которые раньше к ней ходили, совсем бы одичала, только сидела бы дома и вырезала фотографии из газет. И даже рассказывать про сына ей было бы некому. А потом соседи бы на нее нажаловались, что тараканы из квартиры, и грязь, и запах, и увезли бы бабушку в дурдом, и там она бы и померла, а главврач переписал бы квартиру на себя. Утка про такие истории рассказывала.

Хорошо, все-таки, что старушке Голубевой попался именно Антоша, а не идиот вроде двухметрового Костика, который к пенсионерам ходит только для того, чтобы всем показать, какой он хороший и патриотичный, как сейчас модно, а сам над ними ржет и даже на телефон иногда снимает, как они что-нибудь нелепое говорят или делают. И не трусливая дурочка вроде Маринки, которая вообще жалеет, что сюда пошла, и от дедушки одного отказалась, потому что у него нарост какой-то на шее страшный.

А он, Антоша, не будет обращать внимания на то, что Любовь Александровна шизофреничка, потому что в первую очередь она – пожилой человек, который даже войну помнит. И он будет ходить ей за продуктами, и вот ванну сейчас отмоем, а потом еще помоем окна, и пропылесосит, и много чего еще сделает. И старушка его полюбит, как родного, и будет рада и благодарна, и расскажет разные истории, а если начнет опять говорить про сына, то Антоша сделает вид, что ничего, так и должно быть, потому что он понимающий и снисходительный.

От запаха порошка, хранившегося под ванной еще, наверное, с советских времен, у Антоши пересохло в горле. Он помыл руки, очень осторожно на этот раз открыв кран, и пошел попить чаю. В кухне на столе стояли две чашки, по ним даже заварка была разлита. Сама Любовь Александровна копошилась в комнате, бормотала что-то себе под нос. Антоша налил горячей воды, бросил в чашку два кусочка сахара. От благостных мыслей о том, какое хорошее дело он все-таки делает, захотелось еще чего-

нибудь сладкого. Пирожных «картошка» на столе не было. Антоша посмотрел в шкафчике – и там нету.

– Ты чего ищешь? – крикнула ему бабушка.

– Пирожное.

– Я в холодильник положила. Да чего ты один-то, подожди, сейчас вместе чаю попьем.

– Я еще не домыл, я быстренько... – Антоша взялся за липкую ручку холодильника.

Ее тоже надо будет помыть.

В холодильнике опять зашуршало – наверное, пакет полиэтиленовый, они иногда распрямляются сами по себе, если смятые. Антоша дернул дверцу на себя.

– Сто-ой!... – низким, ночным голосом завопила из комнаты старушка Голубева.

Что-то забарахталось на верхней полке, завизжало и вцепилось в Антошину руку. Маленькие красные лапки мяли и щипали его, пытаясь затянуть внутрь, в холод. Антоша с криком высвободился, но бесформенное существо цвета несвежего мяса прыгнуло на него, ухватило за футболку на груди и укусило точно в левый сосок. Орущий Антоша упал на пол, задев в полете табуретку, а холодный комок пополз по нему, как быстрая и ловкая жаба. Существо разрывало его одежду и торопливо впивалось в кожу, продолжая тоненько, свирепо верещать. Все происходило так быстро, что Антоша даже не мог разглядеть, что же на него напало, только вопил и беспомощно махал руками.

Маленькое личико с полупрозрачным носом-кнопочкой и совершенно черными, неживыми глазами вдруг возникло прямо перед ним и, оскалившись, вгрызлось в щеку. От существа пахло тухлятиной, кровью и гнилыми зубами...

Вымазанный зеленкой, завернутый в одеяло Антоша сидел на диване и тупо смотрел в чашку. Добрая врачиха накапала туда чего-то успокоительного, потому что поначалу Антоша так орал и ревел, что чуть не задохнулся. Успокоительное его оглушило, и теперь он просто молчал, изредка делая длинный, всхлипывающий вдох. Тогда старушка Голубева тянулась к нему сочувственно рукой, будто хотела погладить, но врачиха придерживала ее за

плечи.

Старушка все рассказывала врачихе свою историю, а многоопытная тетка в белом халате молчала и таращила на Любовь Александровну увеличенные очками глаза.

– Сынок-то мой пятимесячным родился, – рассказывала, виновато улыбаясь, старушка. – Прямо дома прихватило, так на диване вот этом его и вымучила. Красненький, ручки-карандашики, знаете, у детишек-то ручки махонькие, прямо удивляешься – и из чего человек вырастает?.. Пищит, как птичка. Замолчал, правда, быстро... А я его так хотела, так хотела. Положила на столик вот тут, пуповину перерезала и говорю с ним, и молюсь, чтобы жил он, со мной был... Только потом время-то прошло, не знаю уж, сколько, а он, понимаете... попахивать стал. Я и думаю – закалять-то младенчиков полезно. Ну и положила его туда, на полочку. Одеяльце ему дала, подушечку, а сама у холодильника поклоны бью – Господи, воскреси, умеешь же... Сынок и заскребся там, запищал, как канареечка. Я обрадовалась... И вдруг мужики какие-то вокруг, дверь выбили, меня хватают. Я к сыночку, они оттаскивают, рожи красные, буркала выкатили, алкаши чертовы. Вот тогда меня в первый раз и положили...

В комнату зашел фельдшер, показал что-то врачихе жестами за спиной у Любви Александровны. Врачиха еле заметно кивнула.

– Да я-то понимаю, что вы, – заторопилась старушка. – И лягу опять, что ж поделать. Сынка-то плохо, значит, воспитала, взревновал он. Сам без меня управится, он привычный уже, взрослый совсем. Только в школу я его не хочу отдавать, вы не знаете, можно сейчас так, чтобы на дому?..

Фельдшер вернулся на кухню и снова посмотрел в распахнутый, бурчащий холодильник. Там на верхней полке лежал увядший огурец, а рядом – кукольная постель. Перинка, голубое простроченное одеяльце, подушечка с бахромой. Подушечка была промята посередине, как будто здесь действительно совсем недавно спал ребенок. Фельдшер прищелкнул языком, поражаясь бабулиной шизофренической изобретательности, и приподнял подушку. Под ней лежал изгрызенный с одного края кружок колбасы.

• БЛАГОУСТРОЙСТВО ГОРОДА

В первом подъезде дома номер семнадцать по улице всеми забытого академика сделали ремонт. Темные молчаливые люди побелили потолки, покрасили стены в гнусно-розовый, а железную дверь – в изумрудный, прямо поверх обрывков объявлений и мазков клея.

А еще молчаливые люди сменили лифт. Вместо прежнего, обшитого панелями «под дерево» и уже слегка вихляющегося на ходу от старости (не говоря о выжженных кнопках), в подъезде воцарилось стальное чудо техники. В нем было электронное табло и датчики, беспокойно чирикавшие, если в дверном проеме слишком долго находился посторонний предмет. Белые круглые лампочки на потолке сияли, как звезды, а новые стальные кнопки спалить было невозможно: раскалив кнопку в тщетном стремлении нанести ущерб ценному оборудованию, хулиган рисковал сам получить ожоги.

Осмотрев лифт, жильцы пришли к выводу, что подъезд номер один, да и весь семнадцатый дом, сроду не видели подобной роскоши. И умиленно решили, что вот наконец оно – обещанное благоустройство города, о котором столько говорили по телевизору. С любовью говорили, со значением, с заботой. Ремонт же пополз дальше по дому, как огонь по торфянику.

А через неделю лифт сожрал младенца. Точнее, так обрисовала ситуацию обильная телом Викочка, младенцева мать, летя по лестнице вслед за нежно позвякивающей кабиной. Чуть ранее безответственная Викочка, как всегда, вкатила в лифт коляску с находящимся в ней младенцем, а сама замешкалась. Лифт звякнул и захлопнул двери, стукнув Викочку по рукам и вынудив отпустить коляску, после чего кабина поехала вниз, а Викочка с воим помчалась за ней.

На первом этаже лифт постоял минут десять, закрытый и загадочный, как сфинкс. Викочку больше всего пугало то, что ребенок внутри молчит. Она уже тыкала пальцем в телефон, пытаясь сообразить, куда звонят в подобных случаях – но тут кабина внезапно распахнулась. Посередине, в свете холодных

новеньких ламп, стояла коляска. Викочка ринулась к ней, выхватила невредимого младенца и прижала к груди. Младенец равнодушно и сосредоточенно смотрел вдаль через пухлое материнское плечо, не обращая никакого внимания на всхлипы и колыхания.

Затем лифт поглотил Николая Кузьмича с пятого этажа. Дело было так: Кузьмич, поругавшись за завтраком со своей пожилой дочерью Нонной, решил уйти из дома, то есть спуститься вниз за газетами. Но дочь отправилась за Кузьмичом на лестничную площадку, поскольку считала разговор незаконченным. Кузьмич успел шмыгнуть в лифт, который чинно опустил его вниз. Зазвенели ключи, зашуршала рекламная макулатура. Потом, судя по звукам, лифт вновь принял Кузьмича в себя, повез обратно на пятый этаж и... застыл где-то на подступах, крепко сомкнув двери. В шахте что-то ухнуло, и стало тихо.

Нонна поговорила какое-то время с застрявшей кабиной, успела горько упрекнуть безмолвствующего отца в нечуткости и даже жестокосердии. Потом наконец забеспокоилась и начала стучать в двери лифта. От грохота взмыли в серенькое небо голуби с карнизов, залаяла собака театральной старушки, живущей этажом выше, а сама старушка приоткрыла дверь и слабо крикнула в пространство:

– Да что же это, в самом деле, такое?!

Что бы театральная старушка ни говорила – все время казалось, что она цитирует Чехова.

Двери лифта раскрылись, и сияние ламп озарило дочь Кузьмича, застывшую с занесенной для удара рукой. Возникший из белого света Кузьмич молча отодвинул Нонну в сторону и прошествовал в квартиру, бережно прижимая к груди газеты, словно папку с ценными документами. Был он тих и бледен, а полосатая рубашка, всегда тщательно застегнутая и заправленная в брюки, теперь по-богемному болталась на Кузьмиче.

Обиженная дочь ринулась за ним, требуя выслушать ее и наконец понять. А лифт уехал, увозя свой странный трофей – аккуратную горку пуговиц на полу. Всех до единой пуговиц с одежды Николая Кузьмича.

Пуговицы чуть позже обнаружил вечный студент Олег с седьмого этажа, сфотографировал на свой смартфон и немедленно выложил снимок в нескольких социальных сетях. Все это он успел проделать буквально за пару секунд, ловко скользя по сияющему дисплею большим пальцем правой руки, в то время как левая искала кнопку первого этажа.

Лифт ехал медленно, поскрипывая и подмигивая вечному студенту немного как будто бы потускневшими лампами. А Олег с ленивым удовлетворением думал, что вот, как всегда – только поставили агрегат, а он уже барахлит, да еще и застревает, надо бы написать об этом куда следует... а лучше в блог.

После одиннадцати Николай Кузьмич всегда запирал до утра дверь своей маленькой, пропахшей пенсионером комнаты. Для дочери Нонны наступало время свободы и одиночества – она могла спокойно ходить по дому в ночной рубашке, пить на кухне чай с конфетами или заседать в туалете, едва прикрыв дверь. Если Кузьмич все-таки покидал свое логово, она быстро и незаметно отступала к себе в комнату.

На следующую ночь после того, как Николая Кузьмича поглотил лифт, Нонна шла по темному коридору, тихонько напевая себе под нос. На кухне ее ждали сушки с маком, и жизнь представлялась вполне сносной.

Буквально в шаге от кухонной двери она задела плечом что-то крупное и мягкое. Задетое зашевелилось и медленно, вразвалку побрело прочь. Пытаясь проглотить моментально набухший в горле противный комок, Нонна наконец опознала в безмолвной тени Кузьмича. Она окликнула его, но Кузьмич не ответил. С опозданием найдя на стене выключатель и вдавив пластиковую кнопку, Нонна зажмурилась от яркого света, а когда разлепила веки – в коридоре никого не было. Только ключ с хрустом провернулся в отцовской двери.

Нонна долго сидела на своей кровати, при включенной лампе. Было что-то нехорошее в том, что Кузьмич, получается, стоял зачем-то перед кухонной дверью – в темноте, молча, неподвижно. Может, лунатизм у него на старости лет? Или он подшутить так над ней решил, напугать – мало ли, их же всех, мужиков, не

поймешь...

Из-за двери опять донесся какой-то шум: тихое не то гудение, не то шипение. Нонна выглянула в коридор, держа в руках лампу. И довольно быстро поняла, что шум идет из отцовской комнаты. Пошла по коридору – лампу пришлось оставить, хотя с ней было куда спокойнее, – прильнула ухом к двери: ну так и есть, забыл Кузьмич телевизор выключить, а передачи кончились, вот и шипит-гудит теперь. Совсем старый стал, начал по ночам куролесить – уже, наверное, и маразм не за горами. Дочь вздохнула, поджала губы и пошла спать, с некоторым даже удовлетворением представляя себе, какой неподъемной ношей станет вскоре выживший из ума Кузьмич, а она будет при нем мученицей.

Если бы она могла войти в отцовскую комнату, то увидела бы: Кузьмич не храпит в подушку, а сидит на диване перед телевизором, с прямой спиной и лицом важным, как на параде. По экрану ползут серые и черные полосы с точками. И гудит не телевизор, а сам Кузьмич: впился застывшими глазами в полосы, рот приоткрыл и гудит, низко, монотонно, как шмель. А в глазах восторг такой, словно он на первомайской демонстрации, и снова комсомолец, и дорогой портрет над головой.

А в квартире этажом выше болонка, тихо скуля, смотрела из-под кресла, как ее хозяйка, театральная старушка, стоит посреди комнаты и гудит ровно на той же ноте. На цыпочки поднялась, сухие изящные руки чуть согнуты и вверх тянутся, «чашечкой цветка» у них в училище это называли. И очках отражается серая телевизионная рябь.

На следующий день Олег, шагнув в лифт, увидел на полу новую горку пуговиц. В этот раз она состояла в основном из нежных перламутровых кругляшков, явно с дамской одежды. Олег хмыкнул, придержал дверь лифта ногой, чтобы на пуговицы падало больше света, и полез за своим смартфоном.

– Да ну к черту этот гроб на колесиках, – сказала у него за спиной молодая соседка Женя, спускавшаяся по лестнице. – И сегодня застрял кто-то. Буду пешком ходить, пока не починят. Адова машина...

Олег вспомнил, как в детстве однажды играл с друзьями в квартирные прятки и залез в платяной шкаф, а кто-то из уже найденных коварно запер его там. И как пространство внезапно сузилось до размеров шкафа, и стало жарким. Маленький Олег бился в темноте среди тряпок и ревел, чувствуя, как бесшумно приближаются к нему деревянные стенки, выдавливая последний воздух...

Он сфотографировал пуговицы, отослал картинку в Сеть с комментарием «однако, тенденция» и вышел из кабины, решив, что на этот раз тоже пойдет пешком.

А потом на нежном сентябрьском рассвете, часов в пять утра, Николай Кузьмич вышел во двор. Он нес раздувшуюся хозяйственную сумку, заботливо поддерживая ее под брюхо. Оглядев двор, Кузьмич решительно опустился на колени возле заборчика, окружавшего приподъездный газон. Росли тут, в вечной тени, только сныть да недотрога. Кузьмич вынул из сумки жестяные банки, расставил на асфальте, откупорил, вдохнул химический аромат. И начал красить забор.

Шуршала кисть, густые капли стекали на асфальт, глубоко и ровно дышал Кузьмич. Красил он сразу в три цвета – оранжевый, лиловый и красный, прихотливо их чередуя.

Из-за угла вышел молодой смуглый дворник, остановился, долго и озадаченно смотрел, как трудится Кузьмич. Потом махнул рукой и негромко крикнул:

– Э-э!

Кузьмич докрашивал очередную секцию, не обращая на него никакого внимания.

– Э-э! – еще раз протяжно позвал дворник и направился к Кузьмичу. Лицо его по привычке хранило покорное и заискивающее выражение, но руки крепко сжимали метлу.

Кузьмич стал красить быстрее, точно боялся, что забор отнимут. Наконец дворник тронул упрямого пенсионера за плечо. Кузьмич поднял голову. Глаза его горели праведным, но нездоровым огнем, как у трудящихся со старых плакатов. И еще он беспрестанно облизывался, язык елозил между синеватыми губами, по подбородку ползла ниточка слюны.

– Не надо! – дворник выставил перед собой метлу и отступил на шаг назад. – Красить зачем? Кто велел? Тут нельзя!

Кузьмич быстро осмотрелся – во дворе никого не было, слепо темнели окна, – и с утробным рычанием прыгнул на дворника. Тот опрокинулся на спину и пронзительно завизжал – точнее, только начал визжать, потому что в ту же секунду Кузьмич вылил в его распахнутый рот полбанки лиловой краски и придавил горло черенком молниеносно отнятой метлы...

Вскоре из подъезда вышла тучная дама преклонных лет. Она жила на третьем этаже и обычно проводила дни у окна, наблюдая за жизнью двора в полевой бинокль. Пустые, сосредоточенные взгляды Кузьмича и дамы встретились – и, точно две бесполезно-медлительные игуаны в вольере, они безмолвно поняли друг друга. Дама торжественно показала Кузьмичу свою ношу: шерстяное одеяло и небольшую дачную лопату. Кузьмич кивнул, и они, неторопливо вышагивая в ногу, скрылись за гаражами.

К восьми часам Кузьмич уже докрасил забор и перешел к бордюру. Иногда он рисовал какие-то знаки и долго их разглядывал, помешивая кистью в банке, а потом старательно закрашивал. Это были треугольники, спирали, цифры, а пару раз на серой плите даже возникало что-то, отдаленно напоминающее «всевидящее око», столь дорогое сердцу конспиролога.

Помощница с третьего этажа копала возле лавки, вонзая лопату в землю, как штык в чучело врага. Чуть поодаль стояли горшки с комнатными растениями, которые она долгие годы лелеяла в своей большой и безлюдной квартире. Некоторые уже были пересажены в газонную землю, и недоумевающие воробьи скакали вокруг растопырившего сантиметровые иглы кактуса.

Потом стали приходить дети. Совсем маленькая девочка, хорошенько размахнувшись, воткнула по колено в землю посреди новой клумбы тонкую куклу-блондинку. Нашарила в кармане крохотную пластиковую диадему и осторожно опустила ее кукле на локоны. Постояла возле клумбы, серьезно потупившись. Кукла торчала среди глоксиний и цикламенов, точно еще один капризный цветок.

Из окна на девочку одобрительно и неподвижно смотрела ее крупная мать. Она грызла семечки, и к ее накрашенным губам прилипла шелуха.

Постепенно клумба расцвела плюшевыми медведями, пупсами и роботами, машинками и самолетами. Дары несли уже не только из первого подъезда, но и из второго, в котором теперь тоже были розовые стены, изумрудно-зеленая дверь и новый лифт. Кто-то положил под кактус многокнопочную игровую консоль и присыпал землей – видимо, чтобы лучше принялась.

Грохнула дверь, и из подъезда вылетел Викочкин старший, Артем. По его хитрой плоской мордочке сразу было видно, что Артем – большой, как бабушки говорят, безобразник. Это он разукрашивал стены и жег кнопки в старом лифте. У нового было какое-то спецпокрытие, маркер его не брал, выцарапать тоже не получалось, а железные кнопки отказывались плавиться. Поэтому Артем не ездил на новом лифте из принципа.

Он заметил торчащий в середине клумбы пучок разноцветных фломастеров и тут же его выдернул. Остальные дети синхронно глянули на него исподлобья и продолжили заниматься своим делом – вешать на кусте сирени котенка. Синего, игрушечного.

Артем снял колпачок с самого толстого фломастера, подошел к подъездной двери и кривым почерком вывел на ней соответствующее слово. Получилось хорошо и отчетливо. Артем подул на надпись, чтобы не смазалась, и начал рисовать рядом что-то не менее крамольное.

И вдруг голова его, схваченная чьей-то рукой за завихрение волос на макушке, гулко стукнулась об дверь. Безобразник вырвался, обернулся и увидел Таньку из соседнего подъезда, которая буквально несколько секунд назад расставляла среди цветов флакончики со своей безопасной, сладкой и липкой косметикой. Артем оттолкнул Таньку, но она, посвистывая вечно сопливым носом, опять надвинулась на него и опять, изловчившись, стукнула головой об дверь.

Другие дети в полном молчании присоединились к Таньке, и вскоре Артема уже сосредоточенно возили носом, щеками и лбом по разрисованному участку двери. Фломастер черными полосами

оставался на потной коже.

Краем глаза Артем заметил, что к крыльцу подошли шесть ног – две человеческие, в растоптанных туфлях, и еще четыре белых собачьих. Он призывно завопил, хотел даже крикнуть «помогите!», но это было как-то по-дурацки, будто в кино. Дети расступились, пропуская театральную старушку. Она посмотрела на размазанную надпись на двери, и рот ее выгнулся сердитой скобкой вниз. Старушка схватила безобразника за футболку и начала трясти, все сильнее и сильнее.

– А-а-а! – орал Артем, который уже по-настоящему испугался.

Вечный студент Олег издали увидел у подъезда низкорослую группку, над которой отчаянно взлетали мальчишечьи руки, а потом заметил и клумбу, похожую одновременно на фрагмент Ботанического сада и на место, где разбился школьный автобус. Под длинными лапами повешенного синего кота цвели розы и куклы, лежали мордой в землю мягкие игрушки, торчали джойстики и мобильные телефоны. А вокруг газона тоже цвел дикий, оранжево-красно-лиловый забор.

Дворовая общественность, занимавшаяся перевоспитанием безобразника Артема, внезапно повернула головы в его сторону.

– Вы... чего? – упавшим голосом спросил Олег.

Артем, воспользовавшись паузой, попытался удрать, но другие дети крепко ухватили его за руки, и за одежду, и даже за ноги – кто куда дотянулся. Запищал домофон, дверь открылась, и группа неторопливо проследовала в подъезд. Олегу тоже пришлось пойти за ними – чтобы показать, что он ничуть не боится, а просто наблюдает за ситуацией. А еще он очень хотел домой.

Лифт призывно распахнулся. Олег ошалело смотрел в его сияющее нутро: там кто-то расклеил по стенам открытки с отпускными видами, а с зеркала свисали переливающиеся елочные бусы.

Артема безмолвно потянули внутрь.

– Не хочу! – крикнул он, и успел уцепиться рукой за гнусно-розовую стену, но театральная старушка шлепнула его по пальцам, и группа втиснулась в лифт. Олег на всякий случай поднялся на несколько ступенек, всем своим видом (по возможности безразличным) показывая, что он тоже не хочет.

Дети и старушка, утрамбованные в кабину, смотрели на него. Кажется, они даже не моргали.

Двери захлопнулись, и лифт уехал. Олег бросился вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки и надеясь обогнать этих ненормальных, если они вдруг отправились на его этаж.

Но на родной площадке никого, слава богу, не было. И из шахты не доносилось ни звука – как будто сверкающая «адова машина» исчезла где-то между этажами.

Дома Олег сразу уселся за компьютер, и к нему быстро вернулось веселое и скептическое настроение. Интернет, как всегда, словно отменил все происходящее по эту сторону монитора. Олег во что-то поиграл, что-то посмотрел – а потом, когда за окном внезапно образовалась ночь, стал сочинять ироничный текст для блога о дворовом безумии. Клумба, утыканная самым дорогим, шизофренические цвета и молчаливые, сознательные пионеры и пенсионеры, мутузящие юного вандала. Вот оно, благоустройство города, о котором столько жужжат вокруг, причем силами самих жителей, наших дорогих москвичей. Им сказали «начни с себя» – они и начали...

Закончив очередной пассаж, Олег услышал непонятное шуршание. Шуршало где-то в подъезде, а на часах между тем было уже полвторого. Заинтересованный Олег подкрался на цыпочках к входной двери, заглянул в глазок... По лестничной площадке неторопливо двигалась человеческая фигура. Олег тихонько приоткрыл дверь – и увидел Викочку, в цветастом рыночном халате, со шваброй в руках. В полвторого ночи Викочка мыла пол в подъезде, причем даже не на своем этаже.

У самой Олеговой двери стояли пластиковое ведро и лиловый флакон. Викочка мыла пол с лавандовым шампунем, обещавшим волосам блеск и объем – об этом крупными буквами было написано на упаковке.

Викочка выпрямилась, скользнула по соседу безразличным взглядом. Ее потное лицо выражало удовольствие от тяжелого, но важного труда. А глаза смотрели бездумно и непонятно, словно была Викочка иностранкой или слабоумной. Скорее второе, с досадой подумал Олег, на которого явление Викочки в ночи

произвело такое же гнетущее впечатление, как практически ритуальное запихивание ее сына в лифт.

Некстати возникший в мыслях вечного студента лифт внезапно пришел в движение. Викочка тем временем подхватила ведро и отправилась вниз. Она, видимо, начала уборку со своего девятого этажа и постепенно спускалась. Швабру Викочка несла на плече, как винтовку.

В нескольких шагах от Олега звякнул и открыл двери лифт. Никто не вышел. Олег даже заглянул на всякий случай в кабину – там все было по-прежнему: открытки, бусы на зеркале. И на пол вдобавок кто-то уронил растрепанную гвоздику, красную, сразу напоминавшую о государственных праздниках и почему-то о мавзолее. Олег хмыкнул и направился обратно к своему тамбуру.

И тут сзади хлопнуло. Зажужжали ролики – и снова хлопнуло. От первого хлопка Олег подпрыгнул на месте, на второй все-таки обернулся, хотя очень не хотелось.

Двери лифта разъезжались, а потом стремительно закрывались. Черт его знает, что в нем сломалось, но сейчас он был похож на одно из тех морских животных, которые вместе с безостановочно глотаемой водой затягивают в пасть корм. Ни секунды не сомневаясь, что его хотят сожрать, Олег метнулся в квартиру. Лифт хлопал дверями еще двадцать секунд – Олег зачем-то считал, стоя в маленькой прихожей и глядя на успокоительно тикающие бабушкины часы.

Ремонт дополз уже до последнего, шестого подъезда. Двор сиял. Заборы, бордюры, лавочки – все вдруг вспыхнуло, как лихорадочный тропический закат. Шеренги сурово поджавших губы пенсионеров красили то, что осталось, в малиновый, бирюзовый, розовый. Точно главной мыслью их было – все цвета есть, все пока доступны, а значит, надо брать.

Стали появляться деревянные фигуры, вырезанные местными умельцами: лиса кровожадно вонзала зубы в тело колобка, застыла в засаде группа длинномордых зайчиков, вздыбивший шерсть цербер с криво оскаленной пастью охранял детскую площадку.

Дети после школы не носились теперь с воплями по двору, а тихо прохаживались туда-сюда, следили за пришлыми. Если бросит кто на чистейший асфальт бумажку или окурок – дети подхватывали на лету и тащили в урну, а на чужака смотрели так, что он ускорял шаги.

Дворники-гастарбайтеры в оранжевых жилетах куда-то подевались, остался всего один – уже неотличимый от жильцов по серьезному выражению лица и беззвучности, и службу свою он нес с тем же тщанием и трепетом.

В подъездах расставили горшки с цветами, детские игрушки. Сосед Олега по тамбуру, неудавшийся художник Марк, забыл о том, что он неудавшийся, и теперь самозабвенно расписывал стены. И все-то у него было лето, солнце, и люди щекастые, счастливые, сочащиеся силой и здоровьем, розовые холмики радостного мяса...

Дочь Кузьмича Нонна в последнюю неделю не выходила из дома – болела. Днем дремала у себя в комнате, а по ночам лежала без сна и сердилась на отца. Словно замечать ее перестал, все у него дела какие-то во дворе, а выглянешь в окно – ходит и зыркает по сторонам, точно дружинник, прости Господи. И дома ходит и ходит, точно места себе не найдет, а намекнешь ему, что странно он себя ведет, может, к врачу пора – молчит и опять зыркает. Нонна, глядя в потолок, подсчитывала, сколько слов она слышала от отца за прошедшие дни: «да», «нет», «уйди», «молчи», «у себя поем»... вот вроде и все.

Нонна всегда очень остро чувствовала сквозь стены соседей – все стуки, крики, кашель, бульканье телевизоров, все это присутствие чужого на своей, обжитой территории. И затыкала перед сном уши, чтобы не проснуться посреди ночи от посторонних звуков и не впасть в отчаяние от невозможности уединения.

На следующую ночь после того, как в доме закончился ремонт, она решила хорошенько выспаться и приняла снотворное, а беруши так и остались лежать на столе, в лиловой коробочке.

Нонна проснулась в кромешной темноте от ровного, монотонного гудения. Точно рой пчел залетел в комнату. Тихонько дребезжала

люстра, вибрировали стекла серванта, за которыми улыбались многочисленные мертвые мамочки, бабулечки, братики... Нонна включила лампу, но наваждение не сгнуло. Гудение шло от пола, от стен, от потолка – с чужой жилой территории. И сейчас Нонна чувствовала соседей – непонятных, беспричинно враждебных, – так остро, что ей казалось, они просвечивают сквозь тончайшую бетонную скорлупу ее комнатки.

Дверь приоткрылась. На пороге возник Кузьмич в своей вечной полосатой пижаме.

– Что за шум-то? – по возможности бодро обратилась к нему Нонна.

Кузьмич глубоко вздохнул, раскрыл рот и раскатисто загудел. И дочь вдруг поняла, что стоит перед ней совсем не тот Кузьмич, которого знала она на протяжении пятидесяти лет. А может быть, вовсе и не Кузьмич.

Нонна ахнула, вскочила с кровати, метнулась вглубь комнаты и запоздало поняла, что там – только окно. Тогда, жмурясь от ужаса, она ринулась вперед, проскользнула под рукой Кузьмича, оттолкнула его медлительные пальцы, явно собиравшиеся вцепиться ей в волосы, прошлепала по коридору и заперлась в туалете.

А в квартирах полыхали серым огнем экраны телевизоров, и перед ними, выпрямив спины, с важным и торжественным видом сидели семейства. Только немногие, случайно ускользнувшие или оказавшиеся слишком крепкими, еще спали, беспокойно ворочаясь от вползающих в уши ночных звуков. А старики, натруженные главы семейств, пропахшие едой матери и дети сидели, благоговейно впитывая белый шум. Круги ртов чернели в полутьме, и дом вибрировал от громкого, дружного гудения.

Только к рассвету Нонна решилась выглянуть из своего укрытия. В розоватых солнечных лучах плавала пыль, паркет блестел остатками лака. Все двери были нараспашку, кроме двери отцовской комнаты, а сам Кузьмич, кажется, отсутствовал. Нонна прокралась к себе, холодными руками подхватила бурую стародевью сумку, быстро проверила содержимое, шепча, чтобы не пропустить: «паспорт, кошелек, ключи, лекарства». Потом так же

беззвучно шмыгнула в прихожую, накинула пальто поверх ночной рубашки, втиснулась в сапоги – и выскользнула из квартиры.

На лестнице было спокойно и прохладно. Только непонятные звуки, похожие на плач, нарушали торжественную утреннюю тишину. Что-то шевельнулось у соседской двери – круглое, мохнатое – и Нонна шарахнулась в сторону.

Но это была всего лишь белая болонка, любимая «деточка» и «масенька» театральной старушки. Она потянула носом воздух и посеменила за Нонной.

– Вот и хорошо... – зашептала дочь Кузьмича, нажимая на кнопку вызова. – Вот вместе и уедем от них, да, Пальмочка?..

Лифт нежно звякнул. Болонка попятилась, визгливо зарычала и вдруг покатила вниз по лестнице скулящим клубком. Лифт терпеливо ждал – чистый, светлый, с симпатичными картинками на стенах, готовый отвезти Нонну в другую, нормальную жизнь. Дочь Кузьмича глубоко вздохнула и шагнула в его сияющее нутро.

Олег изо всех сил старался не обращать внимание на странные и пугающие дворовые изменения. Последней каплей стали острия гвоздей, которыми ошетинились вдруг деревья у дома – чтобы птицы не садились и не гадили.

Возвращаясь в очередной раз с учебы, Олег пронесся мимо дома почти бегом, но все равно успел заметить, как у четвертого подъезда супруги преклонного возраста слаженно отламывают зеркала у припаркованной на тротуаре машины. А над дверью третьего распято новое украшение – слегка выцветший пупс в розовом платице. Из пухлых ладошек торчали канцелярские кнопки.

Поднявшись на свой этаж, Олег увидел, что решетчатая дверь тамбура, всегда открытая, заперта. А с другой ее стороны стоит сосед Марк, художник. Марк смотрел на Олега исподлобья, вцепившись маленькими крепкими руками в железные прутья.

– Здорово, – неуверенно кивнул Олег.

Марк молчал и облизывался. Глаза у него возбужденно блестели, как у толстомордых энтузиастов, которыми он размалевал весь подъезд.

Ожил у себя в шахте лифт. Считая этажи гулками глотательными

звуками, доехал до седьмого и... отправился дальше. Олег выдохнул, а Марк вдруг открыл обрамленный курчавой растительностью рот и загудел.

Олег попятился, не зная, что делать: ругаться, кричать, смеяться, бежать, паниковать, оттолкнуть Марка и пройти в квартиру? Вариантов было так много, и ни один не подсвечивался спасительным зеленым, как на мониторе...

Но тут сверху робко и вопросительно позвали:

– Люди? Помогите!.. Ау?

Студент наконец сумел оторвать взгляд от мокрого распахнутого рта соседа и помчался по лестнице – надо было, конечно, вниз, но Олег был хорошим мальчиком. Поэтому он бежал туда, где кричали.

На площадке девятого этажа стояла соседка Женя в заляпанной чем-то кулинарным домашней одежде и тапочках. Дорогу Жене, вцепившись знакомым жестом в решетку, преграждал бывший безобразник Артем. Теперь он был весь чистенький, от ногтей до бесцветных волосиков, и даже соплей под носом не наблюдалось. У соседей напротив общая дверь была не решетчатая, а сплошная, и за ней тоже кто-то стоял, шаркал ногами и – гудел.

А в шаге от Жени, застывшей посреди площадки, нетерпеливо хлопал дверями лифт.

– Это чт-то?... – жалобно спросила Женя, увидев Олега. – Я... мусор пошла... а это... это что?..

– Это лифт, – кратко объяснил запыхавшийся студент.

– Да я вижу, что лифт! – завизжала Женя, а Олег схватил ее за руку и потащил вниз.

Лет пять назад, унаследовав от бабушки квартиру в этом доме, Олег Женей сразу заинтересовался. Даже на свидания ходили, и с продолжением, но Женя была вся в учебе, красный диплом, бессонные сессии, да и ноги у нее оказались очень уж кривые. Теперь Женя скакала этими кривульками со ступеньки на ступеньку и всхлипывала. Лифт азартно преследовал беглецов, и на каждом этаже все требовательней грохотал дверями. В шахте негромко, но угрожающе рычало, точно раскаты грома прорывались

откуда-то из недр земли. Олегу страшно хотелось домой, запереть дверь на все замки и нырнуть в Интернет, где все далеко и несерьезно. И так невыносимо было думать, что его безопасный, даже по запаху знакомый «дом» – всего лишь жилая клетка, подвешенная среди враждебного. Но в тамбуре все стоял и тарачил глаза ненормальный Марк. А напротив Марка, как второй лев на мосту – безымянная тетка с белыми волосами, накрученными на бигуди.

На каждой площадке Олег с Женей натыкались на неподвижные фигуры, ровное гудение сливалось с рыком лифта, давило на барабанные перепонки.

– Что это? – плакала Женя. – Что с ними?

Они скатились в подъезд, Женю занесло на повороте, и подоспевший лифт клацнул дверями у самого ее плеча. А через пару секунд что-то начало щелкать и скрежетать у них над головами, лавиной спускаясь все ниже. Это жильцы один за другим открывали двери.

В холодную темноту двора сыпалась с неба водяная пыль. Женя тут же промочила свои красные тапочки. Олег тащил ее вдоль дома, все окна которого ярко и бдительно светились, а из подъездов уже неторопливо выходили бессознательные граждане.

Целое семейство, взявшись за руки, попыталось перегородить беглецам дорогу. Мама с папой, оба круглые, как бочонки, – и девочка, сжимавшая в кулаке блок-флейту. Их без труда удалось обогнать, но девочка успела с недетской силой ударить Олега музыкальной деревяшкой в бок. Следующим на пути оказался косматый дед с молотком, которого Женя с воплем опрокинула в лужу.

Они пробежали через двор, сунулись было через сквер к дороге, в надежде остановить автомобиль, попросить кого-нибудь о помощи. Но в сквере уже мелькали острые лучи фонариков, а среди хилых городских деревьев бродили сосредоточенные люди в домашней одежде. Тогда Олег с Женей кинулись вглубь жилого массива. Пулей пронеслись мимо соседних домов, миновали школу и наконец, задыхаясь и почти не чувствуя ног, спрятались в деревянной избушке на детской площадке.

Женя дрожала и кашляла. Олег смотрел на дисплей смартфона, как будто надеялся, что от такого пристального внимания что-то изменится. Но сети все равно не было, словно глушилки включили.

— Нельзя позвонить?

Студент ответил отрицательным мычанием. Женя вцепилась пальцами в крашенные волосы:

— Что же дальше-то делать...

— Переезжать, — апатично сказал Олег. — Нас тут не любят. Мы не вписываемся.

Женя толкнула его и заплакала.

— Ты дурак, что ли?!

А Олег смотрел на мокрые оранжевые фонари и думал: ведь это, в сущности, совсем не плохо — всем вместе, дружно работать на благо общего дома, облагораживать территорию, сажать цветы, красить заборы, прогонять чужаков, убивать тех, кто мусорит, вешать гадящих собак, а после праведных трудов собираться и от души гудеть. И если бы он пошел навстречу коллективу, как в школе учили, коллектив не стал бы, озверев, гоняться за ним с молотками и блок-флейтами. И не было бы сейчас этого омерзительного чувства, что он все-таки сам виноват, сам навлек на себя гнев всего остального муравейника. Что он, в сущности, потерял бы, кроме пуговиц...

Коллектив всегда прав, потому что его много. Этому, кажется, тоже учили в школе.

Олег помотал головой — странные это были мысли, и внутренний голос проговаривал их медленно, с усилием, будто по бумажке читал.

А Женя все пыталась уяснить себе, что же все-таки происходит. Она теребила Олега за плечо и взволнованно бормотала, что лифт не может гоняться за людьми сам по себе. Кто-то им управляет, он ведь просто машина, которую кто-то установил. И вот это самый главный ужас — не знать, кто за всем стоит. «Чьи-то враждебные и ловкие руки, лапы, щупальца, манипуляторы, ложноножки, которые даже нельзя увидеть...» — думал Олег, согласно кивая.

— ...и лифт, значит, изменяет людей?

– Может, и не изменяет, – пожал плечами Олег. – А заменяет. Может, это уже и не люди вовсе.

Во всех окрестных домах вспыхнул свет. Окна загорались быстро, организованно, в строгой последовательности, начиная с верхних этажей. А когда осветились нижние, Олег с Женей увидели и знакомые жертвенные клумбы вокруг, и стоящего посреди детской площадки огромного деревянного Чебурашку с безумным оскалом индейского тотема и вертикальными кошачьими зрачками.

Женя вскрикнула. А Олег, моментально вспотев от ужаса, вдруг понял, что надо делать.

Когда они, с палками и камнями в руках, окружают этот игрушечный домик, Олег выйдет к ним и скажет:

– Братья и сестры, я сдаюсь. Я согласен отдать вам свои пуговицы и свою душу.

Потому что ремонт уже охватил весь квартал. А может, и район. А может, и город.

Об авторе: ДАРЬЯ БОБЫЛЕВА

Прозаик, переводчик с английского и немецкого языков. Родилась и живет в Москве. Окончила Литературный институт имени Горького. Член Союза писателей Москвы, ассистент семинара прозы на Совещаниях молодых писателей СПМ. Рассказы Дарья Бобылёвой публиковались в журналах «Октябрь», «Нева», «Сибирские огни», «Флорида», сборниках «Flash-story», «Лед и пламень», «Литеры». В 2014 году издательство АСТ выпустило авторский сборник ее «страшных» городских сказок «Забытый человек». В 2019 году в том же издательстве, в серии «Самая страшная книга», вышел роман «Вьюрки», сокращенная версия которого, опубликованная в журнале «Октябрь», вошла в длинные списки премий «Большая книга» и «Ясная поляна». В ближайшее время должна выйти третья книга – сборник «Ночной взгляд». Neкаýalar